

О надгосударственном праве безопасности

*Степанов О.А.**

В условиях нарастания террористической угрозы один из важнейших теоретических вопросов заключается в установлении того, насколько предполагаемые тенденции развития права могут определяться особенностями функционирования правовых систем современности в условиях использования возможностей современных механизмов социальной коммуникации в рамках сетевого информационно-электронного пространства.

Перспективы эволюции права, вызванные необходимостью безопасного функционирования и развития общества, предполагают обретение нормами новых качеств, обеспечивающих сохранение, воспроизводство, организацию деятельности человека, регуляцию и развитие социума в целом. Исходя из этого в рамках формирования макросреды правового регулирования особое значение должно отводиться развитию процессуальных связей правовых систем современности, а также приданию новых качественных характеристик самим нормам, в которых нуждается общество в условиях использования современных механизмов социальной коммуникации.

В этой связи правовое регулирование допустимо рассматривать в качестве фактора стабильности безопасного развития общества и гарантий достижения общественно значимых целей, которые определяют характер процессов такого развития общества, методы воздействия на это развитие, а также ответственность за невыполнение установленных требований.

В настоящее время правовые установления в правовых системах современности по большей мере не только сформулированы на разных языках, но и используют разную юридическую технику и создаются для общества разными структурами. В связи с этим следует отметить, что еще в 1992 г. в предисловии к десятому французскому изданию своей книги «Основные правовые системы современности» Р. Давид написал: «Мир стал един. Мы не можем отгородиться от людей, которые живут в других государствах, других частях земного

Степанов Олег Анатольевич – доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Академии управления МВД России.

шара. Необходимое международное взаимодействие или, во всяком случае, простое сосуществование требуют, чтобы мы открыли наши окна и посмотрели на зарубежное право»¹

В данном случае представляется интересным и мнение почетного профессора Гарвардского университета г. Бермана, заявившего, что развивающееся мировое сообщество создает систему мирового права для защиты от угроз всякого рода экстремистов, которые сами являются частью транснационального заговора. Мировое право, которое включает в себя также огромную систему контрактных и обычных правовых норм, регулирующих отношения между физическими и юридическими лицами поверх национальных границ, представляет собой новое название «права народов» (*jus gentium*), которое охватывает общие черты различных правовых систем различных народов мира²

Принимая данную позицию в целом, следует, однако, заметить, что предпосылки стремления государств к сближению в законодательной и правоприменительной практике в современном обществе все в большей степени обуславливаются стремлением к обеспечению противодействия террористическим проявлениям. Только за последнее десятилетие прошлого века в мире произошло более 3800 террористических взрывов. Третья часть из них прогремела в Европе³. В последующие годы террористическая угроза продолжала нарастать – только в Москве с 1999 по 2005 г. прогремело 11 террористических взрывов, унесших жизнь более 400 человек. Весной 2004 г. и летом 2005 г. террористические взрывы в Мадриде и Лондоне унесли несколько сотен жизней мирных жителей.

Активное внедрение в общественную практику электронных коммуникаций в глобальных масштабах может способствовать дальнейшему нарастанию террористической угрозы. Принципиальная новизна использования таких коммуникаций в террористических целях заключается в том, что появляется возможность целенаправленного воздействия на расстоянии не только на функционирование потенциально опасных технологических объектов, но и на психику людей.

Шансы безнаказанного выдвигания различных ультимативных требований, блокирования работы систем безопасности и управления, а также изменения масштаба изображения, яркости, контрастности,

¹ Rene David, Camille Jauffret-Spinozi. Les grands systemes de droit contemporains. 10 edition. Paris: DALLOZ, 1992. P. 4.

² См., «Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы» 2003. № 1. С. 4.

³ См., Независимая газета. 2001. 4 авг., www.newsru.com; WWW.ESAG.INF

смены цветовой гаммы на экране монитора, которые не контролируются сознанием человека, в существенной мере возрастают.

Усиление угрозы «электронной составляющей терроризма» требует совершенствования международной системы противодействия этому явлению.

В целях формирования макросреды правового регулирования безопасного функционирования и развития информационно-электронных систем (ИЭС), на наш взгляд, более приемлемо ставить вопрос о формировании надгосударственного «права безопасности», призванного посредством использования универсальных процедурных форм определять на международном уровне характер взаимодействия в сфере безопасности.

Реализация идей, связанных с введением «единого европейского ордера на арест» и «наднационального координатора антитеррористической деятельности» европейских стран, которые призваны оказывать влияние на волю субъектов права и организовывать деятельность правоохранительных структур, может рассматриваться в качестве первого конкретного шага в направлении создания надгосударственного права безопасности. Вместе с тем существующее в настоящее время разнообразие правовых особенностей национальных законодательств порождает различную правовую оценку одних и тех же действий и событий. В одних случаях такие действия или события могут трактоваться как форма столкновения цивилизаций (особенно когда речь заходит о мусульманском и западном праве). В других – как форма, исключаящая взаимоприемлемое сотрудничество в борьбе с преступностью (например, в случаях отказа в 2001 г. выдачи французской стороной России гражданина М. Живило, который обвиняется в покушении на убийство кемеровского губернатора А. Тулеева, а в 2003 г. английской стороной – чеченского экстремиста А. Закаева). Поэтому в складывающейся ситуации все более актуальным становится вопрос развития юридических процедур и конструкций.

По мнению известного американского юриста Ф. Франкфутера, должная правовая процедура представляет собой то, что согласовывается с представлениями о добре и справедливости, и чем более основополагающими являются такие представления, тем менее вероятно, что они будут точно сформулированы, но уважение к ним является сущностью положения о должной правовой процедуре⁴

⁴ M. Ch. Bassiouni. Criminal Law and its Process. Springfield. 1969 P. 318.

«Процедурный фактор» сближения правовых систем предполагает наличие акцента на вертикальные взаимодействия, в рамках которых существенную роль приобретает преемственность в праве, которая сводится к восприятию определенных элементов и правовых сторон (ценностей) всеми субъектами права. Эти ценности связаны с условиями существования человеческого общества. Поскольку же нормооценка вообще осуществляется с позиций упорядоченности, организованности социальных отношений на основе логики долженствования, то такая преемственность может выражаться в принятии (или осуществлении через принятие) более совершенных правовых образцов функционирования правовых систем.

Если исходить из необходимости применения единообразных норм и учета судебной практики каждой страны в рамках правового регулирования использования и развития информационно-электронных коммуникаций, то преемственность в праве может выражаться в приоритетном использовании коллизионных норм и юридических фикций, регламентирующих вопросы безопасности современного общества. Именно коллизионные нормы допустимо рассматривать в качестве связующего звена между различными правовыми системами, поскольку их использование позволяет обеспечивать разрешение противоречий между различными правовыми положениями. Так, например, благодаря принципу личного закона (*lex personalis*) правовая оценка конкретного отношения привязывается к личности, определяя ее правовой статус, а благодаря принципу национального юридического лица (*lex societatis*) определяется статус юридического лица, принцип местонахождения вещи (*lex rei citae*) определяет правоотношения собственности, принцип совершения правонарушения (*lex loci delicti*) – место наступления вредоносных результатов и место обнаружения вредных последствий, принцип суда (*lex fori*) говорит о том, что суд обязан руководствоваться законом своего государства даже при наличии иностранного элемента в составе правонарушения.

Юридические фикции, связанные с применением информационно-электронных систем, допустимо рассматривать в качестве необходимой составляющей развития процедурных связей правоохранительных органов различных стран в ходе предварительного расследования уголовных дел или предварительной подготовки гражданских дел. Речь может идти прежде всего о совершении таких юридически значимых действий, как сбор и оформление доказательств, допрос, очная ставка

или исполнение решения иностранного суда посредством использования технологий телеконференции и электронно-цифровой подписи.

Поскольку право, как инструмент социального управления, способно действовать через волю и сознание людей, стимулируя их поведение в обществе, то, обращаясь к сознанию и воле человека (в т.ч. через процедурные формы), оно призвано способствовать развитию его прогрессивной социальной деятельности. Человек, по мнению И.А. Ильина, есть самостоятельный субъект права, который управляет собой, отвечает за себя. Именно в этом смысле правопорядок и государственность воплощают в себе идеи «общественного договора»⁵

Данные идеи вполне могут проявляться в конкретной управленческой деятельности государства по обеспечению функционирования гражданских ассоциаций, способных выполнять функции, на которые у государства не хватает сил (либо когда использование этих сил является малоэффективным).

Следует обратить внимание и на мнение С.С. Алексеева: «Уже сейчас, думается, вырисовывается некоторое направление того, поворота в понимании и характеристиках права, который способен преодолеть традиционные трактовки и дать ответ на требования времени»⁶ При этом в качестве одного из таких направлений С.С. Алексеев выделяет освещение права с мировоззренческой позиции, т.е. самостоятельного, самобытного, уникального звена в процессах бытия и развития человека, которое имеет свое предназначение и не сводится ни к категориям государства, ни к категориям морали.

Другое направление развития права связывается с разработкой таких научных положений, которые продолжают идеи научного поиска современной юридической науки, позволяют раскрыть свойства и возможности права как сильного и действенного фактора в жизни людей, позволяющего преодолеть негативные стороны величайшего дара человека – свободы, обращая ее в активность человека, его творчество, свершения ума полезное для общества.

В данном случае именно специфика «надгосударственного» фактора призвана наложить отпечаток унификации на правовые системы отдельных стран, процессы воздействия которых друг на друга предполагают поиск форм процедурно-правового регулирования. При этом

⁵ Ильин И.А. Наши задачи. М., 1992. С. 182-183.

⁶ Алексеев С.С. Право. Азбука. Теория. Философия. Опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 702.

установление функциональных связей между правоохранительными структурами разных стран обуславливается информационным содержанием и значением моделей поведения личности, содержащихся в праве.

Следует отметить, что сложность отношений, в которых находится человек в современном обществе, позволяет рассматривать его как элемент разных подсистем – семьи, государства, гражданского общества, в каждой из которых он испытывает определенное регулирующее воздействие. Формирование той или иной ответной реакции на действия семьи, государства, общества связано с сознанием личности. Поэтому информационное действие права на сознание человека должно быть связано с усвоением им нормативного предписания или нормативной программы поведения.

Вместе с тем сама по себе правовая информация является инвариантной – одно и то же содержание может быть выражено разными способами: например, запрет на совершение определенных действий – словами или дорожным знаком (при условии знания символики восприятие и понимание права от этого не страдает).

Благодаря человеческой способности к абстрактному мышлению и превращению абстрактных понятий в конкретные образы нормативное программирование функционирования и развития общества вполне может выражаться и в символьно-цифровой (кодовой) системе отражения объективной реальности. Использование такой системы обеспечивает особые возможности в случаях ее передачи по каналам связи, в т.ч. в части оптимизации процессуального взаимодействия правоохранительных органов разных стран. Различают разные кодовые системы (материальные, идеальные, естественные, искусственные), основанные на речи и письменности. Их применение в общественной практике давно позволяет выражать самые сложные и многообразные по своей структуре явления с помощью достаточно простых и понятных большинству людей сочетаний вне зависимости от языка их общения (например, посредством денежных знаков, фиксирующих вещи как меру стоимости).

В рамках становления надгосударственного права безопасности вполне своевременно вести речь о возможности построения системы процедурно-правового регулирования на основе сочетания норм права с такими нормоструктурами, как нормообразы действия, которые могут быть интерпретированы как выражение функциональных внешних связей субъектов права с помощью информационного кода.

Такой код должен восприниматься в качестве алгоритма действия (стратегемы действия), указанных субъектов. Его допустимо рассматривать в качестве специфического социокультурного средства, в котором находит свое воплощение необходимая для безопасного существования человека, общества, государства особая правовая форма его деятельности.

Поскольку любая правовая форма отражает связь права с иными социальными явлениями и позволяет осуществлять их юридическое моделирование, то, выполняя функцию уведомления, подачи сигнала, нормообраз действия призван выступать в качестве важного компонента всякой нормативной ситуации, к которой причастны как правоохранительные органы различных государств, так и пользователи Интернета. Фактически подобные нормоструктуры могут формироваться без вмешательства соответствующих органов власти на основе познания связей между различными позициями пользователей сети и объективации их действий. Поэтому нормообраз действия может ассоциироваться с такой правовой формой, которая способна служить в качестве технико-правовой основы для адекватного реагирования представителей различных правовых систем современности на параметры безопасного функционирования и развития ИЭС. При этом вполне может идти речь об обеспечении информационного тождества лингвистической правовой формы (нормы права) символично-цифровой правовой форме (нормообразу действия) путем сохранения нормативного содержания событий, связанных с безопасным функционированием и развитием ИЭС. Такое тождество предполагает использование одинакового концептуального аппарата, обеспечивающего возможность однозначного толкования правовых явлений в процессе применения права. Этот аппарат должен позволять представителям различных правовых систем однозначно идентифицировать (оценивать) деятельность субъектов права. Поскольку право содержит в себе элементы, относящиеся к человеческой культуре, которой присущи процессы типизации, то в качестве исходной позиции для анализа категории «нормообраз действия» вполне допустимо рассматривать субъективную свободу личности, обеспечивающую ей возможность выбора тех или иных программ действия, заложенных в правовых нормах или в правилах саморегулирования. Данные программы могут детерминироваться с формированием в сознании человека значимых для безопасного развития общества алгоритмов поведения.

Если право интерпретировать в качестве явления, которое призвано развиваться в процессе жизнедеятельности общества, то такое явление будет иметь непреходящее значение для сохранения общества в рамках противостояния произволу и опасным амбициям отдельных его субъектов. Вместе с тем следует представлять, что само по себе кодирование нормоинформации, связанное с передачей знаков, воплощающих мыслительные образы, снижает уровень строгости юридически значимых предписаний – ведь незначительная неточность может помешать установить смысл нормативного сообщения. В этой связи важно соблюдение одного из главных требований кодирования – «требования однозначности», согласно которому необходимо обеспечить, с одной стороны, однозначное соответствие кодового образа фиксируемому образу, а с другой – возможность обратного однозначного перехода (декодирование) от кодового образа к реальным действиям. Хотя нормообраз действия лишь приблизительно может отразить действительность, в этом заключается не только его недостаток, но и его достоинство. «Абстрагируясь» от конкретного многообразия реальных отношений, он позволяет фиксировать устойчивые связи и отношения в человеческом поведении. Вместе с тем важно соблюдать меру возможного применения подобной формы достижения целей правового регулирования безопасного функционирования и развития общества, чтобы оно не оказалось в итоге вовлеченным в сферу создания «судебного компьютера» или «электронного трибунала» Введение в теорию и практику категории «нормообраз действия», связанной с передачей лишь знаков, а не мыслей и идей, не должно подвергать сомнению духовное богатство и качественную специфику правовых систем современности. К тому же принцип равенства перед законом связан с равной обязанностью людей нести ответственность, но далеко не с одинаковой ответственностью субъектов права за нарушение установленных запретов, которая определяется на основании закона с учетом судейского усмотрения. По мнению А.Ф. Кони, «в основе приговора должна лежать не только логическая неизбежность, но и нравственная обязанность»⁷ «Нравственное измерение» права – неотъемлемое условие его дальнейшего развития и совершенствования, усиления его гуманистической ориентации. При этом речь должна идти не о переходе системы правового регулирования с одной нормоструктуры на другую, а о совершенствовании технической стороны правового регулирования, обеспечивающей отражение параметров безопас-

⁷ Кони А.Ф. Избр. произв. В 2 т. 2-е изд., доп. Т. 1. М., 1959. С. 95.

ного функционирования и развития ИЭС. Рассматривая право как явление, создаваемое людьми в условиях их совместной деятельности, допустимо отметить, что история права может восприниматься как восходящий процесс правового развития. В рамках этого развития символично-цифровой код должен ассоциироваться с интегративным результатом нормативного поведения личности (человеческой деятельности) и обеспечивать связь различных систем права. Следовательно, говоря о взаимодействии правовых систем современности, важно учитывать такие методологические проблемы, как проблема упрощения и проблема симметрии, решение которых позволяет обеспечить переход с микроуровня правового регулирования к макроуровню правового регулирования безопасного функционирования и развития ИЭС. Кодовые сочетания призваны выступать как упрощенные образы объективно-реальных явлений. При этом важно, чтобы такое упрощение не перешло в свехупрощение, приводящее к неэффективному взаимодействию правовых систем.

Симметрия в таком взаимодействии призвана отражать процесс становления тождественных моментов в различных правовых системах посредством реализации принципа инвариантности правовых установлений. Это обеспечит однородность подходов к оценке и описанию правовых ситуаций, допускающую переход от микроправового регулирования к макроправовому. Исходя из этого нормообраз действия может рассматриваться как рациональная правовая форма, вызванная к жизни функционированием и развитием информационно-электронных систем.

Разработка кодовых комбинаций до настоящего времени не связывалась с проблемами теории права. Кодирование предполагает не просто преобразование информации. Сохраняя ее количество, код меняет качественную природу сигнального сообщения. При этом код призван нести в себе нормативную информацию, отражающую подобие исходной юридически значимой ситуации. С учетом отмеченного выше допустимо представлять структуру базовой составляющей нормообраза действия на основе сочетания трех комплексных показателей (XX. X. XX.) – третий комплекс (вид криминального поведения) включает 2 знака, второй комплекс (группа действия) – 3 знака и первый комплекс (класс направленности деятельности) – 5 знаков, т.е. каждый следующий комплекс, за исключением первого, агрегируется непосредственно с предыдущим комплексом, дополняя его содержание.

При таком подходе сложные причинно-следственные связи, расчлененные на более простые, обеспечивающие объединение фактов в одной системе через общую сущность, позволяют отождествлять действия по следам, устанавливая их принадлежность к конкретной группе и классу. Например, 15 1.24. (15 – криминальная деятельность в сфере телекоммуникаций, направленная на нанесение ущерба безопасности общества и государства; 1 – действия на международном уровне; 24 – блокирование работы информационно-электронных систем, обеспечивающих жизнедеятельность объектов).

Наряду с отмеченным выше перед указанной базовой составляющей нормообраза действия через тире должны ставиться два латинских буквенных знака, которые обозначают страну-заявителя (например, RU, GB, US и др.), и одна цифра, идентифицирующая орган, который сообщает о событии (например, 1 – прокуратура, 2 – МВД, 3 – национальный орган безопасности, 4 – другой правоохранительный орган), а после базовой составляющей также через тире должна проставляться одна цифра, подтверждающая правильность буквенно-цифрового кода⁸. С учетом этого идентификатор нормообраза действия может иметь следующий вид: RU1-15 1.24-2, который отражает тот факт, что прокуратура России выступает в качестве заявителя по поводу криминальных действий связанных с нанесением ущерба безопасности обществу и государству посредством телекоммуникаций на международном уровне. Предложенная интерпретация нормообраза действия вполне допускает возможность его апробации в рамках международного взаимодействия правоохранительных органов. Однако такая апробация должна быть связана с проведением теоретико-правового исследования, направленного на изучение вопросов правосознания, поведения людей при использовании ими символично-цифровых (кодовых) сочетаний в условиях формирования макросреды правового регулирования безопасного функционирования и развития общества. При постановке задач такого исследования необходимо исходить из того, что отражающие возможности человека не безграничны, но его мышление может рассматриваться как высшая форма человеческого познания, которое связано не только с восприятием, хранением и переработкой информации. В результате практической

⁸ Алгоритм расчета знака подтверждения, инструментарий для формирования класса направленности, уровня осуществления и вида криминальной деятельности представлен в проекте руководства по присвоению идентификатора нормообразу действия, который разработан в Академии управления МВД России.

апробации предложенной модели нормообраза действия важно не только устранить избыточность информационного сигнала, но и обеспечить предпосылки для более простой (доступной) декодировки информации, в результате которой можно получать не фантастические образы, а нормообразы, соответствующие действительности. Кроме того, важно исследовать проблему пределов действия права, связанную с прогрессивным влиянием нормообразов на общественную практику. Такая проблема из абстрактной приобретает практическую направленность, связанную с расширением использования регулятивных возможностей права и распознаванием на основе нового правового инструментария различных видов социально опасной деятельности, которая предопределяется личностными характеристиками людей, их общей культурой и правовой цивилизованностью, экономическими, национальными, религиозными факторами.

Пределы действия права в связи с использованием нормообразов следует оценивать в рамках их восприятия субъектами права, исходя из того, что, как отмечает Н.И. Козюбра, «общейдеологическое воздействие права по существу не знает границ»⁹. Данная точка зрения созвучна с мнением Д. Тапа в той части, что «установление этических пределов права (как и насколько далеко право должно заходить?) жидется на вопросах о психологических пределах индивидов (как далеко могут распространяться психологические рассуждения индивидов)»¹⁰. Вместе с тем проблема пределов действия права должна быть подвергнута анализу с точки зрения прогрессивного влияния нормообразов действия на общественную практику. В данном случае речь может идти не только о предписаниях, исходящих от государства, но и о правовых положениях, характеризующих действия субъектов, которые не регулируются государственными установлениями, но связаны с государственным регулированием. В этой связи, например, необходимо принимать во внимание, что алгоритм разработки нормообразов действия позволяет реализовать субъектам социального взаимодействия свою компетенцию гораздо динамичнее по сравнению с правотворческой деятельностью государства, которая в целом ряде случаев не является совершенной.

Если пользователи Интернета действуют в рамках общедозволенного принципа и строго придерживаются необходимых ограничений,

⁹ Цит. по: Гойман В.И. Действие права. М., 1992. С. 108.

¹⁰ Цит. по: Эволюция современного буржуазного государства и права. Киев, 1991. С. 141.

то их действия не нуждаются в удостоверении государством. Исходя из этого удачной представляется конструкция указанного принципа, предложенная И. Гойманом: «разрешено все, что не запрещено законом и не противоречит нравственным нормам, международно-правовым стандартам, общечеловеческим ценностям и приоритетам»¹¹ Подобная позиция фактически предполагает, что границы действия права шире, чем правового регулирования, и ориентирует на необходимость практической апробации нормообразов действия. Лишь после этого можно будет делать окончательный вывод о необходимости доработки предложенной теоретической модели или оставлении алгоритма ее построения без изменений.

Вместе с тем сам по себе факт установления категории «нормообраз действия» допустимо рассматривать как один из ключевых компонентов развития надгосударственного права безопасности. Его практическое использование позволит повысить оперативность и результативность действий правоохранительных органов различных стран в рамках их противодействия терроризму. При этом норма права (как средство отражения структуры важных социальных связей, выработанных в ходе эволюции общественных отношений) параллельно с нормообразом действия, проявляется в индивидуальном поведении в качестве социальной программы, обеспечивающей отождествление как личностных, так и общественных ценностей на национальном уровне. Поэтому проблема соотношения юридической нормы с нормообразом действия в рамках теории права приобретает методологический характер как проблема соотношения типичного и нового.

¹¹ Гойман В.И. Указ соч. С. 113.